

0 годах пережитых

А.С. Мамзин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
alex@AM11751.spb.edu

Публикуются мемуарные заметки о переходе автора от биологии к философии, о его совместной работе с К.М. Завадским и другими ленинградскими историками биологии. Подавление науки в СССР было обусловлено субъективными и идеологическими причинами (культу личности Сталина), но не состоянием самой биологии, в частности генетики и других дисциплин.

Ключевые слова: наука, генетика, идеология, группировки, К.М. Завадский, СПбФ ИИЕТ РАН.

Последние годы обильны различного рода юбилеями — отдельных городов, учреждений, сообществ, индивидов. Необычайное множество юбилеев в последние десятилетия XX века и в начале века XXI — свидетельство глубокой противоречивости нашего времени, столкновения устойчивых традиций бытия и скоротечности его современных изменений, вторжение в спокойное течение событий, новаций, взрывающих привычное течение общественной и индивидуальной жизни людей во всех её формах и проявлениях. Наш век — век существенных перемен в экономике, политике, науке, идеологии, морали. Обращая свой мысленный взор на относительно недалекое прошлое — 40-е–80-е годы прошлого века, находим обилие и глубину изменений во всех областях нашей материальной и духовной жизни, в устремлениях человеческих сообществ и отдельных лиц. В этой обстановке столкновение традиций и новаций проявляется особенно остро, возникают глубокие разломы в обществе и отдельных его сферах между носителями тех и других.

Время вихрем летит.
Век за веком проходят,
Не как встарь
Проходили года.
И сегодня уже
Ошибиться нельзя:
Какой год на дворе
И какая пора...
Снегопад юбилеев обильный
Потому и засыпал нам путь,
Что два дивные чувства
Близки нам
И волною проходят чрез ум,
Через сердце и грудь —
«Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам»

(А.С. Пушкин)

Характерной чертой нашего поколения была неуёмная тяга к знаниям, стремление разобраться в сложнейших вопросах нашего бытия, которых было огромное количество и которые порождались во многом разрывом слова и дела, реального положения

вещей и декламаций. Всему этому существенно способствовали наши университетские учителя, люди талантливые, работающие и честные, близкие нам духовно и нравственно, умевшие сочетать доверительность и открытость в отношениях со студентами с отсутствием всякого панибратства и нигилистического отношения к авторитетам, присущего псевдоноваторам, рядившимся часто в марксистские одежды. Особенностью университетского преподавания была конкретность излагаемого материала, сочетаемая с теоретическим и практическим его осмыслением. Недостаточно было просто запомнить те или иные конкретные сведения, нужно было понять их роль в биологическом осмыслении природы.

Наибольший интерес привлекали те лекции, итог которых формулировался не в виде окончательного и категорического вывода, а в виде нерешенной проблемы, которой следует заниматься. Именно так читали свои лекции профессора Н.Л. Гербильский, Г.Е. Владимиров, В.А. Догель, Д.Н. Насонов, Ю.И. Полянский, К.М. Завадский и многие другие. Атмосфера духовного единства и товарищества ярко проявлялась на студенческих вечерах, во время демонстраций, где почти не ощущались возрастные и должностные различия между их участниками. Способствовало этому и то, что более половины студентов были бывшими фронтовиками, на 7 и более лет старше выпускников средней школы. Сплочение студенчества и педагогического корпуса происходило и благодаря общему стремлению восстановить, насколько возможно, утраченные во время войны комфорт и уют, благоустроить учебные помещения, лаборатории и общежития.

Теневой стороной тогдашней жизни, далеко не сразу осознанной нами, было то, что позднее получило название культа личности Сталина, а именно — расхождение слова и дела, обилие обещаний и их невыполнимость, насаждение авторитаризма, бездоказательность положений и отсутствие серьезной аргументации в различных областях жизни. В этой обстановке у людей появляется обострённый страх публично обсуждать серьёзные вопросы, дискуссии переносятся на кухни, в круг очень близких людей, а на публике занимаются комментариями публикаций партийных руководителей и газетных статей. Особенно остро эти противоречия стали ощутимы после печально известной сессии трёх академий в августе 1948 г., на которой административному «отлучению» от науки Т.Д. Лысенко была подвергнута генетика, а позже и вся классическая биология. Дело не ограничивалось теоретическими спорами. Людей, усомнившихся в теоретических и философских построениях Т.Д. Лысенко, И.И. Презента и других представителей так называемой «мичуринской биологии» объявляли идеологически чуждыми советской действительности, лишали работы и средств к существованию, подвергали арестам и репрессиям. Попытки администрирования были продолжены затем и в других разделах знания (физике, химии, кибернетике, гуманитарных науках). Эта сторона советской действительности получила достаточно подробное освещение в отечественной литературе. Отмечу лишь, как всё происходящее воспринималось юными студентами, специализирующимися в области генетики животных.

В зимний семестр 1947/48 учебного года несколько студентов второго и третьего курсов биолого-почвенного факультета ЛГУ прошли во внеучебное время большой практикум на дрозофиле по линии СНО и были направлены профессором М.Е. Лобашёвым взамен общей практики на р. Ворскле на практику в Ташкент в САНИИШ (Среднеазиатский НИИ шелководства), где участвовали в качестве лаборантов в работе по андрогенезу (получение однополого самцового потомства) шелкопряда под руководством проф. В.А. Струнникова (будущего академика АН СССР). Проект этот

базировался на теоретических положениях классической генетики и имел важное теоретическое и практическое значение. В августе 1948 г. во время нашей дороги домой произошла упомянутая выше сессия ВАСХНИЛ, а по прибытии в университет нам сообщили, что наши дорогие учителя учили нас неверно, что они изгнаны из университета, а нам надо переучиваться. К тому же делались намеки, что учителя наши скрытые или невольные враги нашего общества и советского строя. Мы в это поверить не могли. Мы знали, что М.Е. Лобашёв, Ю.И. Полянский и другие сторонники истиной генетики были воспитаны советским обществом, защищали нашу Родину, имели боевые заслуги и ордена. По их совету мы продолжали изучать генетику и теоретическую биологию. В конечном счёте все вернулось на «круги своя». Но происшедшее в 1948 г. не прошло бесследно. Оно научило нас критически относиться к демагогическим декларациям, отсеивать от воистину научных достижений околонучные домыслы. Другой нравственный урок, полученный нами в те годы, состоял в том, что научные противостояния неверно рассматривать исключительно с нравственно-моральных позиций. Раскол биологов в условиях тоталитарного режима привёл к тому, что некоторые сочли, что все сторонники мичуринской биологии — конъюнктурщики, скверные и подлые люди. Напротив, сторонники так называемого мичуринизма видели в концепциях морганизма-менделизма-вейсманизма истоки нацизма и фашизма. Характерны в этом смысле оценки творчества и личности Н.В. Тимофеева-Ресовского. На самом деле как среди тех, так и среди других были разные личности, а их научные позиции далеко не всегда характеризовали их моральные устои.

Памятуя об интересной и плодотворной работе в студенческие годы с К.М. Завадским, я попросил на философском факультете разрешения утвердить его моим научным руководителем. Это предложение было легко принято, поскольку Кирилл Михайлович вёл на философском факультете большую работу. Вместе с ним мы нашли приемлемую для философов формулировку темы, одобренную тогдашним деканом философского факультета В.П. Тугариновым. А после окончания мною аспирантуры и успешной защиты в ноябре 1954 г. кандидатской диссертации, было принято решение о создании на кафедре диалектического и исторического материализма специализации по философским вопросам биологии. Параллельно аналогичный процесс проходил по философским вопросам физики, возглавляемый В.И. Свидерским.

В поисках работы по окончании аспирантуры в 1954–1955 гг. я обратился в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР. Там работали серьезные учёные (Б.Е. Райков, И.И. Канаев и др.), выпускали добротные книги, но проблематика исследований носила в основном историографический характер. Работы посвящались рассмотрению отдельных персоналий и школ, анализу взглядов выдающихся исследователей и биологических школ. К тому же у них не было вакантных мест. Так состоялось моё первое знакомство с ЛО ИИЕТ АН СССР.

Положение в биологии в это время оставалось неблагоприятным для истинно научных дискуссий, хотя позиции Т.Д. Лысенко и И.И. Препента были значительно ослаблены после XX съезда КПСС, критики культа Сталина и достижений мировой биологии, открытием структуры ДНК и роли ДНК в наследственной информации. В это время даже бывшие сторонники мичуринской биологии (Н.В. Турбин) выступают с критическими статьями против идей «советского творческого дарвинизма». Вместе с тем Лысенко, пользуясь покровительством Н.С. Хрущёва, продолжает воздействовать на ситуацию в биологии, ограничивая распространение идей генетики в литературе и вузовской педагогике (медицинской и сельскохозяйственной). Возникает

острая необходимость разобраться в общеметодологических вопросах биологии и других наук. И тогда ответственный редактор вузовского журнала «Философские науки» член-корреспондент АН СССР М.Т. Иовчук, не найдя возможных авторов для этого в Москве, обращается через проф. А.Г. Харчева с просьбой найти таких авторов в Ленинграде. Я в то время работал на Ленинградской кафедре философии АН СССР. Харчев передал просьбу Иовчука мне. Я ответил, что у меня нет достаточного опыта, чтобы написать такую статью, что надо уговорить сделать это К.М. Завадского. В конечном счёте статья была написана Кириллом Михайловичем при моём минимальном участии. С этого началась наша совместная творческая работа и дружба с учителем. Позже мы активно сотрудничали при подготовке, обсуждении и написании работ, подготовке студенческих курсовых и дипломных работ, кандидатских диссертаций, в работе философских (теоретических) семинаров институтов биологического профиля ленинградских учреждений АН СССР.

По поводу вышеупомянутой статьи в «Философских науках»⁶ следует сделать два замечания. Во-первых, заказ статьи не в Москве, а в Ленинграде был обусловлен тем, что в отличие от Москвы большинство ленинградских биологов не были сторонниками идей Т.Д. Лысенко. Во-вторых, те московские биологи и философы, которые могли это сделать, имели претензии к названному журналу и его руководителю. За биологию и науку в целом в журнале отвечал Г.В. Платонов — ярый сторонник Т.Д. Лысенко и преследователь «антимичуринцев», к коим он относил своего аспиранта И.Т. Фролова. Мы же с К.М. Завадским, напротив, посчитали необходимым критику лысенковщины и её псевдофилософских обоснований дать в том органе, который распространял эти идеи. Поэтому мы озаглавили статью «Некоторые вопросы развития биологии в СССР и диалектический материализм». Позже мы написали ещё несколько статей и планов методологических семинаров для учёных ленинградских учреждений АН СССР и вузов по этой проблематике. Работая совместно с Кириллом Михайловичем в эти годы, когда каждая фраза, прежде чем попасть в текст, устно обсуждалась, я усвоил от него бережное отношение к тексту, необходимость «отсеивания» всего лишнего, лапидарности изложения.

В 1967 г. К.М. Завадский перешёл в качестве заведующего сектором истории и теории эволюционного учения на основную работу из университета в ЛО ИИЕТ, в результате чего там серьёзно изменилась проблематика научных исследований и вся жизнь сектора. Наряду с продолжением историографических работ большее развитие получили теоретико-биологические и методологические исследования по проблемам системного метода, соотношения организации и эволюции, соотношения биологического эволюционизма и техникознания, роли кибернетики в развитии биологии и т. п.

По этим вопросам проходили теоретические семинары сектора, писали статьи и диссертации, проводили конференции, намечавшиеся как рабочие, внутрисекторальные, а превращавшиеся в общесоюзные и международные.

Ко всей этой работе Кирилл Михайлович привлекал своих учеников и последователей биологов и философов из университета, Педагогического института им. А.И. Герцена, биологических учреждений АН СССР.

Наряду с традиционными связями и созданием теоретической литературы по проблемам эволюционной теории и методологии биологии происходили защиты

⁶ *Завадский К.М., Мамзин А.С.* Некоторые вопросы развития биологии в СССР и диалектический материализм // *Философские науки.* 1965. № 3. С. 98–107.

кандидатских и докторских диссертаций, участие во всесоюзных и международных конференциях.

Одной из особенностей работы сектора истории и теории эволюции ЛО ИИЕТ было стремление базировать теоретические построения на качественно надежных историко-научных данных. Положение об истории науки как об эмпирической основе её теории требовало от каждого из членов сектора широкой эрудиции во многих отраслях биологии. Поэтому учёные этого сектора по примеру своего учителя активно внедрялись в специальные области биологии — генетику, геоботанику, физиологию, биохимию, молекулярную биологию, кибернетику, экологию и др.

Противоречивость (диалектичность) развития науки, хотя и декларируется многими, глубоко не осознается большинством из них. «Детская болезнь левизны» присуща не только носителям политической идеологии, но и значительному числу деятелей науки. Это проявляется двояким образом: догматическим истолкованием классических положений науки и их гипертрофированием, либо, напротив, полным игнорированием традиционных научных положений («разрушим всё до основания») и их вытеснением псевдонауками.

Проводимые ныне повсеместно юбилеи одной из своих задач имеют необходимость выхода из этого «теоретического капкана». Кстати, дискуссии современных науковедов (Т. Кун, К. Поппер, И. Лакатос и др.) свидетельствуют о том, что и в этой среде отсутствует понимание диалектического характера взаимосвязи традиций и новаций.

Завадский *внутренне глубоко* ощущал эту связь, что отразилось на всей текущей и последующей работе сектора. Причем отразилось двояко. Во-первых, в отношении программы сектора, включившей как традиционно разрабатываемые историографические работы, так и новые исследования: о проблеме биологического прогресса, о взаимоотношениях организации и развития в живой природе, о параллелизмах в развитии живых систем и техники и многие другие. Во-вторых же, единство традиций и новаций отразилось в подборе кадров: сохранив старые кадры, Завадский привлёк к работе в секторе своих давних сотрудников и аспирантов (З.М. Беляева, З.М. Рубцова, Л.Н. Хахина), а также Р.Л. Берг.

Осуществляя большую работу на философском факультете университета и в философских семинарах ленинградских биологических институтов АН СССР, Завадский не проводил резких границ между теоретическим и философскими проблемами биологии. Более того, он считал, что каждый биолог-теоретик должен глубоко владеть диалектикой, но диалектикой не как шаблоном, схемой, а как системой положений, опирающихся на теорию познания и фактическое положение дел в той или иной области. Он выступал как против схематизаторства, так и против «ползучего эмпиризма». Часто вспоминал по этому поводу высказывание одного из прославленных академиков: «Диалектика — инструмент тонкий, подобный скрипке Страдивари, но для игры на такой скрипке нужно особое мастерство». Рассматривая науку как единое целое, К.М. Завадский не уделял существенного внимания тому, к какому научному цеху принадлежит тот или иной исследователь. Важно было другое: какая доля его построений является объективной истиной. Поэтому он рекомендовал к соисканию биологической ученой степени философов по базовому образованию, и, напротив, к соисканию философской степени — биологов, географов, физиков. Жизнь показала, что такой подход к проблеме специализации кадров полностью оправдал себя.

Руководитель сектора и сектор в целом были чужды своего рода «сектантской ограниченности». Они поддерживали публикацию даже антидарвинистских по форме публикаций, если в них содержался проверенный интересный фактический материал. Так обстояло дело с публикацией эволюционных идей Л.С. Берга и других антидарвинистов. Подобно И.И. Шмальгаузену, они считали, что синтетическая теория эволюции осуществляет свой синтез не спорадически, а постоянно, и то, что ещё не вошло в теорию эволюции, будет осмысленно со временем и органически войдет в неё.

В тех случаях, когда кто-либо покидал сектор, идейная связь с бывшим сотрудником сохранялась, проходили совместные семинары и конференции, выходили коллективные труды.

После смерти К.М. Завадского его ученики сохранили и преумножили достояния сектора, создав эволюционный форпост, успешно противостоящий натиску антидарвинистских тенденций. Отрадно видеть, как в отстаивании эволюционных идей объединяются усилия учеников М.Е. Лобашёва и учеников К.М. Завадского.

The years flown past

ALEXEY S. MAMZIN

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; alex@AM11751.spb.edu

Publication of author's memoir about his shift from biology to philosophy. The suppression of science in the USSR was determined by certain subjective and ideological reasons (Stalin's personality cult), it wasn't due to the science itself, and we can see it as an example of biology (especially genetics) and other disciplines.

Keywords: science, genetics, ideology, K.M. Zavadsky, St. Petersburg Branch of the IHST RAS.